

Рецензия на: Kolstø, P. (2022) *Heretical Orthodoxy. Lev Tolstoi and the Russian Orthodox Church*. Cambridge University Press. — 340 p.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-1-373-378>

Книга профессора Университета Осло Пола Колстё «Еретическое православие: Лев Толстой и Русская православная церковь» явилась результатом многолетних исследований, основные положения которых были ранее изложены в докторской диссертации и многочисленных статьях автора. Цель книги, по его мнению, заключается в стремлении восполнить недостаточно изученную проблему, а именно, отношение Л. Н. Толстого к православной вере. Исходным пунктом анализа для П. Колстё является утверждение, согласно которому любая критика религии всегда является критикой именно той религиозной догматики и практики, в которой сформировался исследователь, поскольку религия, как и ее критика, существует исключительно в конкретно-исторической форме и определяется соответствующим контекстом. Таким образом, «любая церковь воздействует на своих оппонентов как позитивно, так и негативно теми элементами, которые они извлекают из нее (обычно не осознавая этого) ... Определяя отношение Толстого к пра-

вославной церкви, мы должны в одно и то же время подчеркивать как продолжение, так и разрыв»¹.

Безусловно, отмечает П. Колстё, Толстой развивал свои религиозные идеи в прямой оппозиции православию, и он ни в коем случае не может считаться православным верующим. В то же время «он перенимал и имплицитно принимал некоторые аспекты православного богословия и духовности»². В подтверждение этого П. Колстё неоднократно цитирует фразу из «Исповеди» Толстого о том, что в православии «истина тончайшими нитями переплетена с ложью»³.

К основным элементам православного богословия, претерпевшим, тем не менее, радикальные изменения у Толстого, П. Колстё относит следующие: это понимание Толстым Бога, с одной стороны, как совершенно не постижимого, и с другой стороны, как дающего человеку смысл

1. Kolstø, P. (2022) *Heretical Orthodoxy. Lev Tolstoi and the Russian Orthodox Church*, p. 4. Cambridge University Press.
2. Ibid., p. 3.
3. Толстой Л. Н. Исповедь // Полное собрание сочинений. Т. 23. С. 53.

в жизни, что соответствует дуализму апофатического и катафатического методов в православном богословии⁴. Далее, это недооцененный исследователями идеал аскетического бесстрастия (*apatheia*), аналогичный православному монашескому идеалу, который был для Толстого необходимым условием не только правильной жизни (включавшей в себя ненасилие, целомудрие, отказ от собственности, вегетарианство, физическую работу, воздержание от алкоголя и курения и т.п.⁵), но и правильного мышления⁶.

Пол Колстё выделяет православные формы духовности и благочестия, которые, по его мнению, были близки Толстому. Так, его общение с православными старцами, для которого он неоднократно предпринимал паломничество в знаменитые монастыри, свидетельствовало об интересе к этой широко распространенной религиозной и педагогической практике⁷, а приверженность Толстого к традиции святого юродства подразумевала согласие с отречением от мира, бесстрастием, любовью к врагам, связью со странничеством, смиренни-

ем и терпением⁸. Для подтверждения своего мнения П. Колстё приводит цитату из толстовского «Круга чтения» («То, что называется юродством, т.е. поведением, вызывающим осуждение и нападки людей, несправедливо в той мере, в которой оно вызывает дурные поступки людей, но понятно и желательно, как единственная проверка своей любви к богу и ближнему»⁹) и подчеркивает, что для него ключом к такому отношению Толстого к юродству является его принадлежность к православной культуре¹⁰.

В целом П. Колстё делает следующие выводы по поводу отношения Толстого к православию: во-первых, это была вера, знакомая ему с детства, в которой он был воспитан. Во-вторых, в определенном смысле критику православия можно рассматривать как антитезу его собственного учения; во всяком случае, контраргументы Толстого часто строились по православному образцу. В-третьих, тот факт, что определенные стороны православного богословия избежали его язвительного сарказма, указывает на то, что иногда он был согласен с ними в большей степени, чем хотел признаться даже са-

4. Kolstø, P. *Heretical Orthodoxy*, pp. 269–270.
 5. *Ibid.*, p. 81.
 6. *Ibid.*, p. 84.
 7. *Ibid.*, p. 90.

8. *Ibid.*, p. 133.
 9. Толстой Л.Н. Круг чтения // ПСС. Т. 41. С. 331.
 10. Kolstø, P. *Heretical Orthodoxy*, p. 136.

тому себе¹¹. Кроме того, Толстой делал различие между учением официальной церкви, которое он отвергал, и живой верой простого народа, которая вызывала его восхищение. Таким образом, православие олицетворяло для него связь с традицией в диахроническом смысле и с верующим народом — в синхроническом¹².

В качестве своих союзников в оценке отношения Толстого к православию П. Колстё называет Н. А. Бердяева, который писал: «Л. Толстой — русский до мозга костей и мог возникнуть только на русской православной почве, хотя и изменил православию»¹³. Еще один важный для П. Колстё автор — это Ричард Ф. Густафсон, который в своей книге¹⁴ — одной из немногих, посвященных той же теме, — утверждает, что философия Толстого не может быть понята вне контекста восточно-христианской богословской мысли, и соотносит концепцию «пути жизни» с доктриной обожения, понимание

греха и страдания — с концепцией искупления, учение о человеке — с антропологической концепцией в патристике. П. Колстё отмечает сходство его собственных выводов с выводами Густафсона, но подчеркивает, что они пришли к ним разными путями: если Густафсон демонстрировал догматические совпадения между Толстым и православным богословием (этот метод Колстё называет «методом аналогии»), то сам он использует два метода: историко-генетический анализ (исследующий православные источники идей Толстого) и анализ рецепции (исследующий принятие/непринятие тех или иных идей)¹⁵. Своим протагонистом П. Колстё называет прот. Г. Ореханова¹⁶, который считал влияние православия на Толстого минимальным, и определяет его точку зрения как одностороннюю и морализаторскую¹⁷.

Наиболее ценные стороны исследования П. Колстё, как мне представляется, связаны с анализом рецепции Толстым православных источников и с оценкой того, насколько многочисленные

11. Ibid., p. 269.

12. Ibid., p. 29.

13. Бердяев Н. А. Три юбилея (Л. Толстой, Ген. Ибсен, Н. Ф. Федоров). Путь, 1928. С. 77.

14. Gustafson, R. F. (1986) *Leo Tolstoy: Resident and Stranger: A Study in Fiction and Theology*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press (российское издание: *Густафсон Р. Ф. Обитатель и Чужак: теология и художественное творчество Льва Толстого*. СПб.: Акад. Проект, 2003).

15. Kolstø, P. *Heretical Orthodoxy*, pp. 11–12.

16. Ореханов Г. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: восприятие конфликта современниками. М. Изд. ПСТГУ, 2010; Ореханов Г. Лев Толстой. «Пророк без чести». Хроника катастрофы. М.: Эксмо, 2016.

17. Kolstø, P. *Heretical Orthodoxy*, p. 15.

критики его учения (в особенности православные) признавали, критиковали или отвергали эту рецепцию. Сочинения Толстого в его время и после его смерти породили огромное количество обзоров, комментариев, полемических и аналитических сочинений — по выражению П. Колстё, в диапазоне от определения Толстого как «почти православного» до «Антихриста». Среди авторов таких текстов в книге упомянуты В. С. Соловьев, В. В. Зеньковский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, архимандрит Антоний (Храповицкий) и др. П. Колстё пишет: «я смог идентифицировать более 350 крупных и мелких сочинений о Толстом, включая более 85 книг и брошюр, авторы которых ясно относят себя к православной вере»¹⁸. В число этих авторов входили не только православные иерархи и священники, но и миряне из разных мест Российской империи. Этот поток не остановился и после смерти Толстого, о чем свидетельствует более 60 сочинений, написанных в период 1910–1916 гг., и далеко не все они, по мнению П. Колстё, получили достаточное освещение в исследовательской литературе. Отдельная глава книги посвящена истории, причинам появления и авторству Определения Священного Синода Русской

церкви 1901 г. об «отпадении» Толстого от церкви и его ответу на него. Также П. Колстё уделяет особое внимание истории о попытках православных священников добиться от Толстого покаяния перед смертью, погребения по православному обряду и о запрете на панихиды по нему, отмечая, что эта история также в значительной степени была проигнорирована как советскими и российскими, так и западными исследователями¹⁹.

Что касается спорных положений книги, то они, как мне представляется, заключаются в следующем. Первое замечание связано с самим названием книги. Колстё подчеркивает, что с богословско-догматической точки зрения Толстой, несомненно, был еретиком, который хотел отделить истину православия от лжи²⁰. Действительно, само понятие еретичества подразумевает, что его носитель отклоняется от основной линии ортодоксии, оставаясь, тем не менее, в ее орбите. Другими словами, еретиком можно быть только в том случае, если имплицитно признается право на существование ортодоксального учения как претендующего на истинность. Несомненно, для выработки своей интерпретации христианства Толстой отталки-

18. Ibid., p. 168.

19. Ibid, p. 246.

20. Ibid, p. 275.

вался от православного учения, о чем свидетельствует его книга «Критика догматического богословия», подробно анализируемая П. Колстё. Но следует заметить, что эта книга была написана с уже выработанной Толстым позиции относительно христианства, которая развивалась и уточнялась в течение последующих трех десятилетий его жизни. В конечном счете, он отказывал не только православию в праве называться христианством, но всем институциональным церквям, поскольку ему было «очевидно, что церкви одной никогда не было и нет, что церковей не одна, не две, а тысячи две, и что все друг друга отрицают и только утверждают, что каждая истинная и единая»²¹.

Кроме того, весьма странно называть еретиком человека, который отрицал самые главные постулаты христианской догматики, основанной на положениях Символа веры, а именно, о воскресении Христа и о троичности Бога. С моей точки зрения, уникальность Толстого заключается в его свободе от каких бы то ни было конфессиональных богословских обязательств, установленных традицией и церковными институциями, а его целью было формулирование сво-

его собственного представления о смысле учения Иисуса Христа, основанного на Нагорной проповеди. Таким образом, никак нельзя согласиться с утверждением П. Колстё о том, что «Толстой рассматривал в качестве лжи те элементы в православии, которые отличались от его собственного учения»²², поскольку православие, по его мнению, полностью извратило христианское учение, подменив его церковной догматикой и противопоставив свою «истину» претензиям на нее других конфессий, тогда как истина не может делиться в себе самой.

Второе замечание связано с неоднократными утверждениями П. Колстё о том, что Толстой не всегда осознавал то влияние, которое оказывал на него православный контекст. Много раз, пишет он, «Толстой, вероятно, забывал о том, что идеи, которые он представлял как свои собственные, были заимствованы из православного репертуара»²³. С этим утверждением невозможно согласиться, поскольку, как мне представляется, Толстой, будучи, безусловно, человеком своего времени, тем не менее, смог преодолеть зависимость от контекста и от конфессиональной ограниченности, придав христианству

21. Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий // ПСС. Т. 24. С. 10–11.

22. Kolstø, P. *Heretical Orthodoxy*, p. 276.

23. Ibid., p. 271.

универсальное значение не в качестве религии, а в качестве учения о любви как основе жизни. В этом смысле для Толстого оно «совпадает с основными положениями браманизма, конфуцианства, таоизма, еврейства, буддизма, даже магометанства» и, так же как и все эти учения, «является простым, понятным и немногосложным»²⁴. Кроме того, Толстой стремился к ясности собственного мышления и отличался исключительной критичностью по отношению к самому себе. Как об этом свидетельствовал В.Г. Чертков — самый близкий друг и соратник Толстого, — тот «всегда действовал, не следуя никакой извне навязанной ему программе... Он самобытно руководствовался одним только указанием своего внутреннего сознания»²⁵ и умел отличать свое от чужого.

Л.Н. Толстой рассматривал христианство исключительно через призму своего собственного жизненного опыта, в котором православие сыграло свою роль в период, предшествовавший его духовному перерождению. Но если судить о религиоз-

ной философии Толстого с позиции его собственных принципов, то его следует считать не еретиком относительно догматического христианства, но пророком его собственного понимания христианства.

Елена Степанова

Библиография / References

24. Толстой Л.Н. Что такое религия и в чем сущность ее? // ПСС. Т. 35. С. 190.
25. Чертков В.Г. Уход Толстого. М.: Издание Центрального Товарищества «Кооперативное Издательство» и издательства «Голос Толстого», 1922. С. 67.

- Бердяев Н.А. Три юбилея (Л. Толстой, Ген. Ибсен, Н.Ф. Федоров). Путь, 1928.
- Густафсон Р.Ф. Обитатель и Чужак: теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб.: Академический проект, 2003.
- Ореханов Г. Лев Толстой. «Пророк без чести». Хроника катастрофы. М.: Эксмо, 2016.
- Ореханов Г. Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой: восприятие конфликта современниками. М.: Изд. ПСТГУ, 2010.
- Толстой Л.Н. Исповедь // Полное собрание сочинений. Т. 23.
- Толстой Л.Н. Соединение и перевод четырех Евангелий // ПСС. Т. 24.
- Толстой Л.Н. Что такое религия и в чем сущность ее? // ПСС. Т. 35.
- Чертков В.Г. Уход Толстого. М.: Издание Центрального Товарищества «Кооперативное Издательство» и издательства «Голос Толстого», 1922.
- Gustafson, R. F. (1986) *Leo Tolstoy: Resident and Stranger: A Study in Fiction and Theology*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Kolsto, P. (2022) *Heretical Orthodoxy. Lev Tolstoy and the Russian Orthodox Church*. Cambridge University Press.